

Воевода Елена Владимировна

E-mail: elenavoevoda@yandex.ru

Воевода Елена Владимировна зав. кафедрой педагогики и психологии, д.пед.н., доцент Московский государственный институт международных отношений МИД России

Глобализация и образование: выбор языка обучения мигрантов

В условиях глобализации и нарастающих международных и внутренних миграционных процессов возникают проблемы в области обучения детей внешних и внутренних мигрантов, основными из которых являются выбор языка обучения для детей мигрантов и возможность организации преподавания родного языка для детей внутренних и внешних мигрантов. В последние 10-15 лет в России и европейских странах представители различных этнических групп и общественные деятели довольно часто поднимали вопрос о переходе к обучению детей исключительно на родном языке как в школе, так и в университете. На фоне вымирания языков, сохранение лингвокультурного многообразия возможно только при условии использования языка членами социума не только в повседневно-бытовом устном общении, но и при условии функционирования языка как культурной доминанты в определенном социуме. Такой доминантой является образовательное пространство. Рассмотрим опыт Российской империи, СССР и современной России. Языковая политика Российской империи была направлена на русификацию образования, что объяснялось необходимостью объединения огромной полиэтнической страны в условиях присоединения новых территорий. При этом в начальных школах и училищах ряда регионов обучение велось на родном языке. В советский период были созданы алфавиты для бесписьменных языков и открыты школы для представителей народов Севера, Дагестана и Дальнего Востока. В союзных и автономных республиках обучение осуществлялось на языке титульной нации, все русскоязычные учащиеся, за исключением детей военнослужащих, изучали язык коренного населения республики, а нерусские дети – русский язык, являвшийся языком межнационального общения. На всех языках союзных республик выпускались единые учебники для средней школы, поэтому ребенок, переезжая с родителями в другой регион страны, мог продолжать обучение, не отставая от программы. Подготовка национальных кадров в системе среднего и высшего образования велась как на родном, так и на русском языках. Высокая социально-трудовая мобильность советских инженерно-технических, медицинских и педагогических кадров способствовала расширению ареала употребления русского языка, а его знание, в свою очередь, обеспечивало возможность карьерного роста представителей союзных и автономных республик и округов. Зная это, многие нерусские семьи выбирали для своих детей русский язык в качестве языка обучения. [1, с. 59] В современной России обучение на национальных языках осуществляется в республиках на уровне основной школы, в старших классах обучение ведется на русском языке, что обеспечивает возможность сдавать ЕГЭ и продолжать обучение в вузах. В Бельгии учащиеся школ Валлонии обычно выбирают первым иностранным языком нидерландский язык, а их ровесники во Фландрии – французский. Высшее образование можно получить на французском или нидерландском языке, а немецкоязычные бельгийцы, желающие продолжать учебу в университете, едут в Германию – немецкоязычных университетов в Бельгии нет, но это не вызывает социального напряжения. Дети мигрантов, в том числе из России, учатся в школе, получая образование на соответствующем языке. Сотрудники социальных служб отмечают, что дети мигрантов, часто отстают в учебе из-за плохого владения языком страны пребывания, однако по мере улучшения речевых навыков в новом языке

улучшаются их показатели по общеобразовательным предметам. Правительство Бельгии не рассматривает возможность преподавания на языках мигрантов в школах и университетах. Дети еврочиновников обучаются в школах Брюсселя или в международной школе – на английском языке. В некоторых городах Германии существуют двуязычные школы с преподаванием как на немецком, так и на одном из миноритарных языков (лужицком) или на языке мигрантов (турецком). В Великобритании все дети мигрантов проходят обучение английскому языку, а затем интегрируются в школьную среду. Перепись населения 2011 г. показала, что вторым по распространенности после английского является польский язык; в стране также проживает много выходцев из Индии, Пакистана, Литвы и Латвии. Но муниципальные власти не предлагают программ по обучению детей мигрантов на их родных языках – в отличие от валлийского (Уэльс), гэльского (Шотландия), корнского (Корнуол) языков, распространенных среди коренного населения Соединенного королевства, которые изучаются в школах соответствующих регионов. Языковые занятия по родному языку и культуре для детей мигрантов проводят многочисленные общественные организации, финансирующие эти программы. В то же время в Ирландии, где также проживает много поляков, латышей и литовцев, эти общины добились определенных успехов: дети мигрантов из Латвии имеют возможность сдать школьный выпускной экзамен по латышскому языку. Латышская диаспора намерена, при поддержке МИД Латвии, добиваться того, чтобы этот экзамен был приравнен к экзамену для нацменьшинств на родине – это позволит детям латышских мигрантов получать высшее образование в Латвии. Община также хочет заставить власти Ирландии оплачивать работу учителей в латышских культурных центрах и ввести латышский язык в качестве одного из иностранных для учащихся школ. Что касается поляков, проживающих в Ирландии, то, по мнению министра иностранных дел Польши, они должны получить право обучения на родном языке [3]. Опыт показывает, что обучение детей мигрантов на родном языке не всегда возможно в связи с отсутствием квалифицированных кадров и материально-технической базы. Открытие специальных классов создает определенные социальные риски, в определенной степени тормозя интеграцию детей в новый социум. Исследование И. Саммалкорпи показало, что «в двуязычной школьной среде использование двух языков <...> создает рамки коммуникации и формирования двуязычия учащихся» [4, с. 109, 117]. Если первое поколение мигрантов обычно стремится к интеграции в культуру новой страны, то последующие поколения в современной Европе создают этнические анклавные, поэтому «незапланированные миграции воспринимаются обществом как покушение на родной язык» [2, с. 413]. Совершенно очевидна необходимость социолингвистической интеграции детей мигрантов в новый социум. Вместе с тем, работа этнокультурных центров, предлагающих изучение родного языка и культуры, способствует снятию межэтнической напряженности.

Литература 1. Воевода Е.В. Образование на родном языке: права и проблемы / Е.В. Воевода // Языковой дискурс в социальной практике. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции / отв. ред. Н.А. Комина. – Тверь: ТвГУ, 2017. – С. 58-60. 2. Габуня З.М. К современным проблемам малочисленных языков и миграционных процессов / З.М. Габуня // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16-19 сентября 2014): Доклады и сообщения / Отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. – М.: ТЕЗАУРУС – Языки народов мира, 2014. – 640 с. 3. Латвия добивается от Ирландии уроков латышского языка в школах // URL: <http://naspravdi.info/byvshiy-sssr/latviya-dobivaetsya-ot-irlandii-urokov-latyshskogo-yazyka-v-shkolah> 4. Саммалкорпи И. Переключение кодов при коммуникации между учениками в двуязычной школьной среде / И. Саммалкорпи // Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации : сборник ста-

тей / отв. ред. Н.Б. Вахтин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 308 с.